

ЛАД
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО СЕВЕРА

ВАСИЛИЙ
БЕЛОВ

МИО

МИФ Культура

Василий Белов

**Лад. Повседневная
жизнь Русского Севера**

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

УДК 087.5:398.1(=16)

ББК 83.8:82.3(2)

Белов В. И.

Лад. Повседневная жизнь Русского Севера / В. И. Белов —
«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», — (МИФ Культура)

ISBN 978-5-00-214983-4

Автор подробно рассказывает о жизни русского крестьянства XIX–XX веков, описывая народные поверья, обычаи и ремесла, связанные с календарным циклом. Особое внимание уделяется быту, труду и традициям северорусской деревни. Это исследование считается одним из самых известных произведений Василия Белова и энциклопедией крестьянского мира.

УДК 087.5:398.1(=16)

ББК 83.8:82.3(2)

ISBN 978-5-00-214983-4

© Белов В. И.

© Манн, Иванов и Фербер (МИФ)

Содержание

От автора	9
Часть первая	11
Круглый год	11
Подмастерья и мастера	21
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Василий Белов

Лад. Повседневная жизнь Русского Севера

Книга не пропагандирует употребление алкоголя и табака. Употребление алкоголя и табака вредит вашему здоровью.

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Печатается по изданию: Белов В. И. Повседневная жизнь русского Севера. Очерки о быте и народном искусстве крестьян Вологодской, Архангельской и Кировской областей. М.: Молодая гвардия, 2000. 391 [9] с.

© Белов В., наследники, 2025

© Оформление. ООО «МИФ», 2025

От автора

Стихия народной жизни необъятна и ни с чем не соизмерима. Постичь ее до конца никому не удавалось и, будем надеяться, никогда не удастся.

В неутолимой жажде познания главное свойство науки – ее величие и бессилие. Но для всех народов Земли жажда прекрасного не менее традиционна. Как не похожи друг на друга две эти человеческие потребности, одинаковые по своему могуществу и происхождению! И если мир состоит действительно лишь из времени и пространства, то, думается, наука взаимодействует больше с пространством, а искусство – со временем...

Народная жизнь в ее идеальном, всеобъемлющем смысле и знать не знала подобного или какого-либо другого разделения. Мир для человека был единое целое. Столетия гранили и шлифовали жизненный уклад, сформированный еще в пору язычества. Все, что было лишним, или громоздким, или не подходящим здравому смыслу, национальному характеру, климатическим условиям, – все это отсеивалось временем. А то, чего недоставало в этом всегда стремившемся к совершенству укладе, частью постепенно рождалось в глубинах народной жизни, частью заимствовалось у других народов и довольно быстро утверждалось по всему государству.

Подобную упорядоченность и устойчивость легко назвать статичностью, неподвижностью, что и делается некоторыми «исследователями» народного быта. При этом они намеренно игнорируют ритм и цикличность, исключаяющие бытовую статичность и неподвижность.

Ритм – одно из условий жизни. И жизнь моих предков, северных русских крестьян, в основе своей и в частностях была ритмичной. Любое нарушение этого ритма – война, мор, неурожай – лихорадило весь народ, все государство. Перебои в ритме семейной жизни (болезнь или преждевременная смерть, пожар, супружеская измена, развод, кража, арест члена семьи, гибель коня, рекрутство) не только разрушали семью, но сказывались на жизни и всей деревни.

Ритм проявлялся во всем, формируя цикличность. Можно говорить о дневном цикле и о недельном, для отдельного человека и для целой семьи, о летнем или о весеннем цикле, о годовом, наконец, о всей жизни: от зачатия до могильной травы...

Все было взаимосвязано, и ничто не могло жить отдельно или друг без друга, всему предназначались свое место и время. Ничто не могло существовать вне целого или появиться вне очереди. При этом единство и цельность вовсе не противоречили красоте и многообразию. Красоту нельзя было отделить от пользы, пользу – от красоты. Мастер назывался художником, художник – мастером. Иными словами, красота находилась в растворенном, а не в кристаллическом, как теперь, состоянии.

Меня могут спросить: а для чего оно нужно, такое пристальное внимание к давнему, во многом исчезнувшему укладу народной жизни? По моему глубокому убеждению, знание того, что было до нас, не только желательно, но и необходимо.

Молодежь во все времена несет на своих плечах главную тяжесть социального развития общества. Современные юноши и девушки не исключение из этого правила. Но где бы ни тра-

тили они свою неумную энергию: на таежной ли стройке, в полях ли Нечерноземья, в заводских ли цехах – повсюду молодому человеку необходимы прежде всего высокие нравственные критерии... Физическая закалка, уровень академических знаний и высокое профессиональное мастерство сами по себе, без этих нравственных критериев, еще ничего не значат.

Но нельзя воспитать в себе эти высокие нравственные начала, не зная того, что было до нас. Ведь даже современные технические достижения не появились из ничего, а многие трудовые процессы ничуть не изменились по своей сути. Например, выращивание и обработка льна сохранили все древнейшие производственно-эстетические элементы так называемого льняного цикла. Все лишь ускорено и механизировано, но лен надо так же трепать, прасть и ткать, как это делалось в новгородских селах и десять веков назад.

Культура и народный быт также обладают глубокой преемственностью. Шагнуть вперед можно лишь тогда, когда нота отталкивается от чего-то, движение от ничего или из ничего невозможно. Именно поэтому так велик интерес у нашей молодежи к тому, что волновало дедов и прадедов.

Так же точь-в-точь и будущие поколения не смогут обойтись без ныне живущих, то есть без нас с вами. Им так же будет необходим наш нравственный и культурный опыт, как нам необходим сейчас опыт людей, которые жили до нас.

Книга рассказывает о ладе, а не о разладе крестьянской жизни. Она была задумана как сборник зарисовок о северном быте и народной эстетике. При этом я старался рассказывать лишь о том, что знаю, пережил или видел сам либо знали и пережили близкие мне люди. Добрая половина материалов записана со слов моей матери Анфисы Ивановны Беловой. Воспоминаний, а также впечатлений сегодняшнего дня оказалось слишком много. Волей-неволей мне пришлось систематизировать материал, придавая рассказу какой-то, пусть и относительный, порядок, чем и продиктовано композиционное построение книги.

Из экономии места мне приходилось то и дело сокращать или вовсе убирать живой фактический материал, довольствуясь общими размышлениями.

Часть первая

Круглый год

ВЕСНА

Когда-то все на Руси начиналось с весны. Даже Новый год. Христианские святцы легко ужились с приметами языческого календаря, чуть ли не на каждый день имелась своя пословица:

- 6 марта – Тимофей-весновей.
- 12 марта – Прокоп – увяз в сугроб.
- 13 марта – Василий-капельник.
- 14 марта – Евдокия – замочи подол.

Говорили, что ежели Евдокия напоит курицу, то Никола (22 мая) накормит корову¹. Приметы, рожденные многовековым опытом общения с природой, всегда определены и лишены какого-либо мистицизма. Например, если прилетели ласточки, надо не мешкая сеять горох.

Неясны, расплывчаты границы между четырьмя временами года у нас на Севере. Но нигде нет и такого контраста, такой разницы между зимой и летом, как у нас.

Весна занимала в году место между первой каплей и первым громом.

17 марта – Герасим-грачевник.
30 марта – Алексей – с гор вода.
4 апреля – Василий-солнечник.
9 апреля – Матрена-настовица.
14 апреля – Марья – зажги снега, заиграй овражки.
28 апреля – Мартын-лисогон.
29 апреля – Ирина – урви берега.

В крестьянском труде после Масленицы нет перерывов. Одно вытекает из другого, только успевай поворачиваться. (Может, поэтому и говорят: круглый год.) И все же весной приходят к людям свои особые радости. В поле, в лесу, на гумне, в доме, в хлеву – везде ежедневно появляется что-нибудь новое, присущее одной лишь весне и забытое за год. А как приятно встречать старых добрых знакомцев! Вот к самым баням подошла светлая талая вода – вытаскивай лодку, разогревай пахучую густую смолу. Заодно просмолишь сапоги и заменишь ими тяжелые, надоевшие за зиму валенки. Вот прилетел первый грач, со дня на день жди и скворцов. Никуда не денешься, надо ставить скворечники – ребячью радость. А то вдруг вытаяла в огороде потерянная зимой рукавица... И вспомнишь декабрьский зимник, по которому ехал с кряжами для новой бани.

Кстати, не больно-то раздумывай о том, что было. Было, да прошло. Надо, пока не пала дорога, вывезти из лесу последнее сено, да хвою на подстилку скоту, да дров – сушняку, да собрать по пути капканы, на лыжах пройдя по большому и малому путику.

И вот лошадь, пофыркивая, трусит поутру от деревни. На возу с полдюжины вершей, чтобы не тащить потом *натодельно*. (Вот-вот объявится щучий нерест: надо *пропешать* в озере выхода и поставить ловушки.) Обратно – с возом сена или хвои. Пока лошадь отдыхает и хрустит зеленым сенцом, пока солнце не растопит голубой наст, успевай сходить в чашу присмотреть и пометить деревья для рубки под сок. Еще набрать сосновой смолы – просила бабушка для приготовления лекарства. Хозяйка намек сделала: наломать бы сосновых лапок на помело. Тоже надо. Долго ли? Минутное дело, а вспомнить приятно, и срубить по дороге шалаш тоже требуется: как раз токуют тетерева... Еще нарубить березовых веток для гуменных метелок. И только потом, когда лошадь направится к дому и запоскрипывают гужи, можно и подремать на возу либо затянуть песню про какого-нибудь Ваньку-ключника...

Весной старухи и бабы белят по насту холсты. Вытаскивают из погребов и перебирают семенную и пищевую картошку, заодно угощают деток сочными, словно только что с грядки, репами и морковью.

Проветривают шубы и всякую одежду, развешивая ее на припеках, потому что мошь боится солнышка. Девки продолжают прясть на беседах, мужики и парни усиленно плотничают. Ремонтируют хозяйственный инвентарь: сбрую, телеги, бороны. Вьют веревки, спихивают с кровель снег.

¹ Даты приводятся по новому стилю. Подробности о народном календаре см. в кн.: Полуянов Ив. Месяцеслов. Архангельск, 1979.

Пускаются в ход тысячи извечных примет, люди гадают, какая будет весна и чего ожидать от лета.

У многих коровы уже отелились к этому времени. Другие ждут с часу на час. Хозяйка-большуха даже ночью ходит проведывать хлев. Дети тоже ждут не дождутся, им уже надоело без молока. И вдруг однажды утром в избе за печью объявилось, запостукивало копытцами. Большие глаза, мокрые губы. Шерстка шелковая. Гладить ходят все по очереди. Первые дни молоко, вернее молозиво, только теленочку, потом, если Великий пост уже кончился, хлебают все. Молоко в крестьянских семьях не пили, как теперь, а хлебали ложками, с хлебом вприкуску либо с киселем, с толокном, с ягодами.

Скотина после долгого зимнего стояния в душном темном хлеву по-человечески радуется весне. Просится на воздух, на солнышко. И когда коров ненадолго выпускают во двор, иная подпрыгивает от радости.

Между тем стало совсем тепло, дороги пали. Начали освобождаться от снега поля и луга. Старики поглядывают на небо, прислушиваются сами к себе: какова весна? Затяжная и холодная или короткая и теплая? Не упустить бы посевной срок. Тот, кто расстался с трехполкой и вводит культурный севооборот, утром по ледяному черепку уже рассеял клевер.

Стревоною в сердце люди ходят смотреть озимь: не вымокла ли, каково пересилила зиму? Ведь матушка-рожь, говорится в пословице, кормит всех сплошь. И скотину, и птицу, и крестьянскую семью.

Все это ладно, но когда же сеять? Иной торопыга, не успели еще *ройда*² выйти, поехал пахать. Обрадовался, свистит погонялкой. Выкидает семена в холодную землю – глядишь, уже с осени ребятишки пошли по миру. Другой не подготовился вовремя: то семян не запас, то у лошади сбил плечо. Этому тоже неурожай.

В хорошей деревне мало таких чудаков...

Все готово, но когда все-таки выезжать?

В шутку или всерьез, не поймешь, но в народе говорили так: «Выйди в поле и сядь на землю голой задницей. Сразу узнаешь, пора сеять или погодить требуется».

Но вот самый опытный, самый рачительный хлебопашец выволок соху и запряг поутру кобылу. И все ринулись в поле как по команде...

Заскрипели гужи, пропахшие дегтем, сошники запохрустывали мелкими камушками. В небе, над полем, заливаются жаворонки. Пахари посвистывают, подают лошадям команды: «Прямо! Прямо!» Или на завороте: «А что, забыла за зиму, где право, где лево?»

И лошадь, конфузливо махая хвостом, поворачивает туда, куда надо.

Вообще на севе у пахаря и коня должно быть полное взаимопонимание. Если начнут скандалить – ничего не получится. Хороший крестьянин пашет без погонялки, лошадь свою не материт, не ругает. Действует на нее лаской, уговорами, а иногда стыдит ее, как человека. Норовистый конь не годится на пашне.

А борозда за тобой идет да идет, и грачи тотчас садятся в нее, тюкают носами в родимую землю.

Это она, земля, кормит и поит, одевает и нежит. Голубит в свое время цветами, обвеивает прохладой, осушая с тебя пот усталости. Она же возьмет тебя в себя, и обымет, и упокоит навеки, когда придет крайний твой срок... А пока черная борозда идет и идет полосой. Пласт к пласту ложится на поле. И твой отец, или сын, или жена, или сестра уже запрягают другую лошадь, чтобы боронить, ровнять эту весеннюю землю.

А дед или бабка уже насыпают в лукошко белого крупного семенного овса. Вот не спеша идет полосой вечный сеятель, машет рукой из стороны в сторону. Шаг, второй – и золотой

² *Ройда* – мерзлота.

дождь летит из горсти. Отскочив от лукошка, зерна ложатся на свежую землю. Сеятель бормочет про себя какое-то извечное заклинание: то ли поет, то ли молится.

В сосняке, рядом, ребяташки зажгли костер. Девицы, собирая сморчки-подснежники, поют «Веснянку».

Земля подсыхает, требуется тотчас заборонить семена.

Обычно после овса сеяли лен – одну, самое большее две полосы, затем горох и ячмень.

Была такая примета: надо встать под березу и взглянуть на солнце. Если уже можно сквозь крону смотреть не щурясь, то продолжать сев бесполезно. Только семена зря выкидаешь. Если листва не больше копейки и солнце легко пробивается сквозь нее, то день-два еще можно сеять.

После сева обязательно топят баню. Досталось за эту неделю и людям и лошадям: мужик отпаривается, конь отстает.

А вот и первая травка.

Первый выгон скотины на пастбище – событие не хуже других. Пастух в этот день кум королю...

Трава растет стремительно. Живая. В лесу, если день теплый, к вечеру иные стебли вытягиваются на вершок от земли.

Глядишь, пора и огороды сажать... Плюют семена овощей в рассадники. Женщина наберет в рот заранее намоченных семян капусты или брюквы и форскнет, что есть силы. Семена ровно разлетаются по рассаднику. На ночь укрывают рассадник холщовой подстилкой или даже шубами, если старики посушили заморозок и если кошка жмет к теплой заслонке.

Огород городить – тоже очень важное дело, без огорода скотина за лето все вытравит. У хороших хозяев кол можжевельный, жердь осиновая, вица еловая – изгороди нет износу. У ленивого она из чего придется, потому и приходится городить каждую весну.

Весна кончается с первым теплым дождем и первым раскатистым громом. Услышав гром, девушки должны кувыркаться через голову, чтобы поясница не болела во время жнитва. При чем надо успеть кувыркнуться, пока гром не затих. Хоть в луже, хоть на лужке, хоть в будничном сарафане, хоть в праздничном, все равно кувыркайся. Смех, возгласы и восторженный девичий визг не затихают вместе с грозой.

ЛЕТО

Так уж устроен мир: если вспахал, то надо и сеять, а коль посеяно, то и взойдет. А что взойдет, то и вырастет, и даст плод, и, хочешь не хочешь, ты будешь делать то, что предназначено провидением. Да почему хочешь не хочешь? Даже ленивому приятно пахать и сеять, приятно видеть, как из ничего являются сила и жизнь. Великая тайна рождения и увядания ежегодно сопутствует крестьянину с весны и до осени. Тяжесть труда – если ты силен и не болен – тоже приятна, она просто не существует. Да и сам труд отдельно как бы не существует, он не заметен в быту, жизнь едина. И труд, и отдых, и будни, и праздники так закономерны и так не могут друг без друга, так естественны в своей очередности, что тяжесть крестьянского труда скрадывалась. К тому же люди умели беречь себя.

В народе всегда с усмешкой, а иногда с сочувствием, переходящим в жалость, относились к лентяям. Но тех, кто не жалел в труде себя и своих близких, тоже высмеивали, считая их несчастными. Не дай бог надорваться в лесу или на пашне! Сам будешь маяться и семьюпустишь по миру. (Интересно, что надорванный человек всю жизнь потом маялся еще и совестью, дескать, недоглядел, оплошал.)

Если ребенок надорвется, он плохо будет расти. Женщина надорвется – не будет рожать. Поэтому надсады боялись словно пожара. Особенно оберегали детей, старики же сами были опытные.

Тяжесть труда наращивалась постепенно, с годами.

Излишне горячих в работе подростков, выхвалявшихся перед сверстниками, осаживали, не давали разгону. Излишне ленивых поощряли многими способами. Труд из осознанной необходимости быстро превращался в нечто приятное и естественное, поэтому незамечаемое.

Тяжесть его скрашивалась еще и разнообразием, быстрой сменой домашних и полевых дел. Чего-чего, а уж монотонности в этом труде не было. Сегодня устали ноги, завтра ноги отдыхают, а устают руки, если говорить грубо. Ничего не было одинаковым, несмотря на традицию и видимое однообразие. Пахари останавливали работу, чтобы покормить коней, косари прерывали косьбу, чтобы наломать веников или надрать корья³.

Лето – вершина года, пора трудового взлета. «Придет осень, за все спросит», – говорят летом. Белые северные ночи удваивают в июне световой день, зелень растет стремительно и в поле и в огороде. Если тысячи крестьянских дел как бы сменяются по силе нагрузки и по сути, то в главных из них устает все: и руки, и ноги, и каждая жилка. (Конечно же, это прежде всего работа с лесом, пахота и сенокос.) Тут уж отдыхают по-настоящему и всерьез. Работают часа два-три до завтрака – чем не нынешняя зарядка? Завтрак обычно плотный, со щами. Режим приходится строго выдерживать, он быстро входит в привычку.

Летом обедают после чаепития. «Выпей еще чашечку, дак лучше поешь-то!» – угощает большуха – женщина, которая правит всем домом. После обеда обязательно отдых часа на два. До ужина опять крупная трудовая зарядка. День получается весьма производительным. (Даже «в бурлаках», то есть в отходничестве на работе с подрядчиком, очень редкий хозяин заставлял работать после ужина.)

Прятанье – самый тяжелый труд в лесу, и занимались им только мужчины, причем самые сильные. Древнейший дохристианский способ подсечного земледелия откликается в наших днях лишь далекими отголосками: прятать – значит корчевать сожженную тайгу, готовить землю под посев льна или ячменя. Вначале выжигали обширную лесную площадь, вырубив до этого строевой лес. На второй год начинали прятать. Убирали громадные головни, корчевали обгоревшие пни. Чтобы выдрать из земли такой пень, нужно обрубить корни, подкопаться под него со всех сторон и потом раскачать при помощи рычага. Можно себе представить, на кого похож был человек, поработавший день-другой в горелой тайге! Белыми оставались только глаза да зубы. Прятанье давно исчезло, оставив в наследство лишь слово «гари». На гарях в наших местах до сих пор растет уйма ягод, смородины и малины.

Летом в природе все очень быстро меняется. Не успели посеять и едва объявились всходы, а сорняки тут как тут. Надо полоть. Тут уж и ребятишкам бабки дают по корзине и сами встают на полосу. Хорошо, если земля еще не затвердела и молочай, хвощ и прочие паразиты выдергиваются с корнем. В эту же пору надо быстро восстановить изгороди около грядок и загородить осек – лесную изгородь, образующую прогон, и две-три лесные *поскотины*⁴. Скот летом всегда пасли на лесных естественных пастбищах, в поля выгоняли только глубокой осенью.

Ходить к осеку – любимая работа многих, особенно молодых, людей. Представим себе первое свежее лето, когда пахнет молодой листвой и сосновой иглой, когда растут сморчки и цветет ландыш. Большая ватага молодняка, стариков, подростков, баб, а иногда и серьезных мужиков собирается в лесу где-нибудь на веселом пригорке. Все с топориками, у всех с собой какая-нибудь еда. Рубят осины, тонкие длинные березки, сухие елки и растаскивают

³ Корень слова «отдых» связан с дыханием. Отдохнуть – значит перевести дыхание, успокоить сердце и мускулы, иными словами, понятие «отдых» для крестьянина касается только тяжелого физического, а если нетяжелого, то монотонного, продолжительного труда вроде женского рукоделия. Отдыха в смысле полного бездействия никогда не существовало, если говорить не о сне, а о состоянии бодрствования. Тысячи людей, лежащих на пляже, с точки зрения даже нынешнего пожилого крестьянина, есть ужасающая нелепость. И не потому, что люди лежат голыми, а потому, что просто лежат, то есть бездельничают.

⁴ *Поскотина* – огороженный лесной выгон.

по линии осека. Затем крест-накрест бьют еловые колья и на них складывают новые лесины, также не обрубая с них сучьев. Выходит очень прочная колючая изгородь. Хороший осек – пастуху полдела. Лишь не ленись, барабань в барабанку да закладывай заборы – сделанные из жердей проходы и изгороди.

В такой день рождается еще и праздничное настроение. На долгих привалах столько всего наслушаешься и смешного и страшного, так много всего случится до вечера, что хождение к осеку запоминается на всю жизнь. Впредь молодежь ждет этого дня, хотя такой в точности день уже никогда не придет...

Такой же праздничностью веет и от силосования, которого раньше не было. Работа эта появилась в деревне только вместе с колхозами, артельный характер делает ее очень сходной с хождением к осеку. Главные женские силы косят⁵ молодую, брызгающую соком траву и складывают ее в копны. (Важно не дать этой траве завянуть или высохнуть.) Подростки возят траву в телегах к силосным ямам, споро спихивают ее вниз. Когда яма наполовину загрузится, в нее сталкивают какую-нибудь добрейшую, чуть ли не говорящую кобылу. На ней-то и разъезжает в яме целый день гордый трамбовщик лет шести от рождения. За это в отцовскую книжку вписывают полтрудодня на его имя. Лошадиный помет выбрасывают вилами, кобылу поят, спускают вниз ведро с водой. Когда яму заполняют и утрамбовывают, трава пахнет вкусной кислятинкой – внутри уже началось брожение. Ее забрасывают землей и замазывают глиной – стой до зимы.

Если погода жаркая, появляются оводы. Тут приходится возить траву ночью, потому что ни с какой, даже самой добродушной, кобылой на оводах не сладишь. Ночью же донимает ночных работников гнус – мельчайшая мошка. Она забирается всюду. (Гнусом называют также мышей, если их много.) Навоз вывозили на Севере также по ночам из-за множества оводов. Наметывали навоз вилами на телегу. Пласты отдираются с большим трудом. Возчик везет телегу в поле – на полосы и через равные промежутки кривыми вилашками стаскивает по колыге. Утром эти колыги раскидывают по полосам и начинают пахать. Вслед за плугом ходит опять же либо старик, либо мальчонок, батошкой спихивает навоз в борозду, чтобы завалило землей⁶.

Часто бывало так, что сенокос еще не закончен, а уже подоспела жатва, примерно в ту же пору сеют озимые и теребят лен. Да и погода никогда не позволит расслабиться или заскучать. Когда на вилах прекрасное ароматное сено, а вдалеке погромыхивает, руки сами ходят быстрее, грабли только мелькают. А если гроза вот-вот нагрянет, по полю начинают бегать и самые неповоротливые. Но главное, конечно, то, что стог сметали раньше соседей, убрали под крышу хлеб и измолотили первыми, да и ленок вытеребили не последними.

Извечное стремление русского крестьянина не оказаться последним, не стать посмешищем прекрасно было использовано в первые колхозные годы. Да и стахановское движение основано было как раз на этом свойстве. В одной притче мужик, умирая, давал малолетнему сыну наказ: «Ешь хлеб с медом, первый не здоровайся». Только трудолюбивые сыновья узнавали настоящий вкус хлеба (как с медом), а тот, кто работает в поле, например косец, лишь кивком отвечал на приветствия мимо идущих. Вот и выходило, что любители сна здоровались всегда первыми...

Жнитво не меньше, чем сенокос, волнующая пора. Хлеб – венец всех устремлений – уже ощущается реально, весомо, а не в мыслях только. Даже небольшая горсть срезанных серпом ржаных стеблей – это добрый урезок хлеба, а в снопу-то сколько таких урезков?

Зажинок – один из великого множества трудовых ритуалов – был особо приятен, отраден и свят. Самолучшая жница в семье брала серп и срезала первые горсти.

⁵ Читатель Николай Петрович Борисов пишет, что у него на родине (бывший Сольвычегодский уезд) женщины «...никогда не косили, это занятие мужиков. Но зато мужики никогда не жали. Баб щадили, понимали, что они нужны для другого».

⁶ Подробнее об этом рассказывается в повести Вл. Солоухина «Капля росы».

Высокий – в человеческий рост – толстущий сноп олицетворял изобилие.

Косили озимый хлеб на Севере мало и редко. Рожь, сжатая серпом, не теряла в поле ни одного колоска, ни мышам, ни птицам на полосе нечего было делать. Девять снопов колосями вверх прислонялись друг к другу, образуя некий шалаш, называемый суслоном. Сверху, как шапку, надевали десятый сноп. Детям всегда почему-то хотелось залезть под этот теплый соломенно-хлебный кров. Каждый добрый суслон кормил три-четыре недели семью средней величины, из него получалось до пуда, а то и более зерна. Рожь дозревала несколько дней в суслонах, как говорят, выстаивалась, затем ее развозили по гумнам.

Сложить снопы на повозку мог отнюдь не каждый. Надо знать, как «стоять на возу», ведь сухие снопы скользят, и стоит выползти одному-двум, как расплзается весь увязанный воз. Вначале набивают снопами кузов повозки, вдоль до краев, потом кладут их рядами поперек, внутрь колосями. Ряд слева да ряд справа, а в середину опять вдоль несколько штук, чтобы она не проваливалась. Кверху ряды слегка суживаются, а самый верхний, совсем узкий, клали в разгонку. Весь воз стягивали после этого зажимом – еловой слегой.

Еще труднее сложить на воз ячменные либо овсяные снопы – коротенькие и толстые. Овес и ячмень на Севере тоже жали, снопы ставились в груды, парами. Горох же можно было только косить, так как он «тянется», цепляется стебель за стебель. Большие титаны (или китины, киты) свозили в гумно и деревянными трехрогими вилами поднимали на сцепы, то есть под крышу гумна. Поскольку лошадь при въезде в гумно воротит для облегчения куда-нибудь вбок, то надо было уметь и въезжать, не задев за воротный стояк, не сломав колесной чеки или тележной оси. Все нужно было уметь!

Снопы ровно складывались в засеки гумна, и они лежали там до молотбы. Если старой семенной ржи на посев озими не было, молотили на семена сразу и сеяли свежим зерном. (Посеять надо было обязательно в августе, во время трехдневного лёта крылатых муравьев.) Хлеб в гумне, под крышей, – считай, что урожай убран, спасен. Это великая радость и счастье для всей семьи. Вырастить да в гумно убрать, а обмолотить-то уж всяк сумеет...

Лето и плотницкая пора: рубить угол под дождем или на морозе не все равно. Недоделанные срубы стояли иногда по нескольку лет, стояли как укор или напоминание.

Трудная пора летняя, что говорить, но много было и праздников. Успевали не только работать, но и пиво варить и ходить по гостям. Кто не успевал, над тем посмеивались.

ОСЕНЬ

Весна переходит в лето нерезко, лето является как бы нечаянно и долго еще не утрачивает многих свойств весны. Также и ранняя осень вся пронизана летними настроениями. И все-таки в любую пору ежедневно появляется что-то новое из предстоящего времени года. Природа словно утверждает надежную и спокойную силу традиции. Ритмичность – в повторе, в ежегодной смене одного другим, но эти повторы не монотонные. Они всегда разные не только сами по себе, но и оттого, что и человек, восходя к зрелости, постоянно меняется. Сама новизна здесь как бы ритмична.

Ритмичностью объясняется стройность, гармонический миропорядок, а там, где новизна и гармония, неминуема красота, которая не может явиться сама по себе, без ничего, без традиции и отбора... Так, благодаря стройности, ритмичности и личному, всегда своеобразному отношению к нему сельский труд, как нечто неотделимое от жизни, обзавелся своей эстетикой.

Человек, слабый физически, но хорошо умеющий косить, знающий накопленные веками навыки, скосит за день больше травы, чем иной неумный верзила. Но если к вековым навыкам да еще свой талант, то косец уже не просто косец. Он тогда личность, творец, созидующий красоту.

Работать красиво не только легче, но и приятнее. Талант и труд неразрывны. Тяжесть труда непреодолима для бездарного труженика, она легко порождает отвращение к труду.

Вот почему неторопливость, похожая с виду на обычную лень, и удача талантливого человека вызывают иной раз зависть и непонимание людей посредственных, не жалеющих в труде ни сил, ни времени.

Истинная красота и польза также взаимосвязаны: кто умеет красиво косить, само собой, накосит больше. Так же как и тот, кто умеет красиво плотничать, построит больше и лучше, причем вовсе не в погоне за длинным рублем...

Крестьянские работы, как и природные явления, далеко не все резко разделяются по временам года. Иные, по каким-либо (чаще всего погодным) причинам не сделанные летом, доделываются осенью, а не сделанные осенью – завершаются зимой.

И все же молотить лучше сразу после жнитва, чтобы не плодить лишних мышей и чтобы оставить время, например, для плотничанья. Лучше и лен околотить сразу и разостлать поскорей, чтобы он вылежался под осенними росами и чтобы снять его со стлищ до первого снега.

Осенью, во время короткого сухого бабьего лета, надо успеть убрать с поля все, вплоть до соломы, чтобы не болела душа, когда начнутся дожди. А когда поля убраны, не грех сходить и по рыжики. Ягоды тоже не последнее дело в крестьянском быту, особенно для детей и для женщин. (Первая земляника – детям, причем самым маленьким. Чем большеросло ягод, тем больше и возраст, который ими лакомится.) Черника также поспекает еще летом, эта ягода собирается всерьез, она, как и все прочие, не только целебна, но и лакома. Малину, смородину, княжицу собирали попутно со жнитвом. За брусникой и клюквой во многих местах ездили на лошадях.

Очень важно для сельского житья вовремя, в сухую пору, выкопать картофель и засыпать его в погреб, выдергать и обрезать репчатый лук и чеснок. В затяжные дожди дергают репу и брюкву, появившуюся в наших краях в конце девятнадцатого века. (Ее прозвали «галанкой» за иностранное происхождение.) Брюкву дергают из земли и ножом очищают от корешков, складывают в кучу, затем таскают куда-либо под крышу и обрезают ботву, называемую «лычеем». Лычей развешивают на жердочках, осенью и зимой это прекрасная заправка для коровьего пойла.

Капуста белеет на грядках до самых заморозков, но и ее наконец приходится убирать.

Вырубить, очистить и засолить в шинкованном виде либо «плашками», то есть разрезанными надвое кочанами, – дело нетрудное и какое-то очень радостное, капуста скрипит в руках, как только что купленные резиновые калоши. Ребята, кому не лень, грызут кочерыги.

Осенью по ранним утрам далеко вокруг слышен стук молотильных цепов и пахнет дымом овинных теплинков. Огораживают стога. Теперь скот пасется на полях, пастух собрал с деревни свою дань и отдыхает. Свободен до новой весны. Многие мужики пашут зябь. Женщины поднимают лен и ставят его торчком, чтобы просыхал, но это уже не лен, а треста. Ее вяжут соломенными жгутами в большие кипы и убирают под крышу.

Лишь только ударит первый мороз, сразу, чтобы не тратить сено, начинают сбавлять скотину, резать лишних овец, телят и баранов. В зиму пускают только то, что оставлено на племя. Рубят головы молодым петухам. Обезглавленные птицы шарахаются в сторону, кропя кровью крыльцо или поленницу, иные даже взлетают, и довольно высоко.

Далеко не каждый человек может выдержать подобное зрелище. Некоторые мужчины зовут соседа, чтобы зарезать барана.

Такая слабость человеку простительна, ее как бы не замечают. Ведь кровь животных того же цвета, что и у человека...

Осенние праздники молодежь гуляет уже в кромешной тьме, зато без мучителей-комаров.

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь...

ЗИМА

А. С. Пушкин ничего не говорил зря, то есть для рифмы или просто так. Тот, кто знает деревню, тотчас поймет, почему торжествует крестьянин, почему, почуя снег, лошадка «плетется рысью, как-нибудь». Есть в крестьянине, обновляющем путь, какой-то детский восторг, а в его лошадке что-то добродушно-хитроватое и взаимодействующее с торжествующим мужиком.

Куда же он и зачем? Об этом необязательно думать каждую минуту. Может быть, за дровами. Вспомним уж кстати и некрасовское:

И шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведет под уздцы мужичок...

Здесь поэт растолковал нам все, вплоть до того, какие у возчика рукавицы, но излишество деталей искупается превосходным сюжетом.

Может быть, пушкинский крестьянин поехал за сеном. А скорее всего, за еловой хвоей, которую рубят на подстилку скоту, экономя солому. Запах снега, необычное состояние ног (жесткие холодные сапоги или мягкие теплые валенки – есть разница?), новый способ езды без тележной тряски и скрипа и сотни других более мелких новинок – все это делает езду именно торжествующим.

Зимний труд не то что летний, торопиться необязательно. Малина, как говорится, не опадет. Погода не подтарапливает. Комары, клещи, мошка, оводы и слепни тебя не донимают. Потом не обливаешься. Мороз бодрит, сила просится развернуться. А развернуться есть где, в лесу особенно.

Женщины собираются где-нибудь в старой избе или в хлеву сообща трепать лен. Работа пыльная, не больно приятная, но сообща веселей. Поют, рассказывают бывальщины, судят-рядят.

Мужики возят сено, рубят дрова и вывозят строевой лес. День короткий, только успеешь разок завернуться – и темно. Выпрягай. Коню и человеку такая проминка не в тягость, а в охотку. Отдыхают оба. Набираются сил к новой весне.

Зимой, если вывезены дрова и сено, вся работа вокруг скотины, в доме. Многие столярничают, кустарничают, пробуют силы не в своем деле, рыбачат, охотятся. Как и в любую другую пору, много праздников. И если ты загостил в иных деревнях у родни, или у побратима, или еще у кого – изволь приглашать отгашиваться. Рожь на солод мочи, пиво вари.

Долга наша зима, многое можно успеть. Еще не прошла масленая, а иная бабка уже щупает курицу: яичка, случайно, нет ли? Коровы телятся. Женщины готовятся расставлять кросна, ткать холсты. Самые азартные игроки в бабки уже подбирают гумно, чтобы в первый же день, который выпадет потеплее, устроить сражение.

И снова весна издали подбирается к деревне, опять зазвенел синий наст на ветру. Засинело безбрежное небо, прошел еще один год.

Он прошел незаметно. Родились в деревне новые детки, кое-кого из стариков прибрала мать-земля. Прихитила.

Но жизнь идет своим чередом, как своим чередом ежедневно восходит солнце. Оно делало в небе свой великий круг, и крестьянская трудовая жизнь тоже сделала свой годовой круг. Так и катятся годовые круги год за годом, но ничто не повторяется в человеческой жизни.

Пахарь встает в борозду каждую весну с волнением, словно впервые. Жница срезает первую горсть ржи также каждый раз с новым волнением.

Почти все трудовые дела сплелись у сельского жителя с природой, а природа ритмична: одно вытекает из другого, и все неразрывно между собой. Человек всегда ощущал свое единство с природой. Это в союзе с нею он создавал сам себя и высокую красоту своей души, отраженную в культуре труда.

Подмастерья и мастера

Коренной хлебопашец испокон веку с улыбкой поглядывал на кустаря, переставшего кормиться землей. Земля – основа основ – не прощала измены худосочному мастеру. Она разрешала ходить по себе с гордым достоинством только истинным мастерам, только у них могла быть спокойной совесть, и лишь подлинные знатоки своего дела, настоящие ревнители мастерства, не маялись оттого, что оставили землю.

Остальных молва окрестила попросту «зимогорами» – не больно почетным словом из плотницкого багажа.

ПЛОТНИКИ

Человек еще не успел научиться ходить, но уже тянется к отцовскому молотку. Да еще и гвоздь норовит забить.

Крестьянин не мог не быть плотником. Мы не имеем права спрашивать, что важнее: соха или секира? Плотницкое дело пришло к нам вместе с земледелием из глубокой старины. Перед тем как вспахать землю, надо было вырубить лес. Та же секира оборачивалась оружием при набегах кочевников. Когда-то избу рубили одновременно с раскорчевкой лесной делянки. Народ смеялся над теми мужчинами, которые не умели плотничать, так же как над женщинами, которые плохо пряли, не умели ни ткать, ни вышивать, ни плести кружева. Вспомним: «Пряла наша Дуня не тоньше полена...» Есть талант или нет, независимо от этого все люди стремились постичь мастерство. И постигали, каждый по мере своих способностей. Один умел рубить многие виды углов и знал все, другой знал лишь половину, а третий только и научился, что рубить угол в охряпку. Четвертый ничего не умел, но из-за стыда все равно стремился учиться. И научивался хотя бы колья заостривать. Не ахти что, но и то лучше, чем ничего.

Так было в любом деле.

Плотницкий мир широк и многообразен. Подросток начинал постигать его с обычного топорища. Сделать топорище – значит сдать первый экзамен. Дед, или отец, или старший брат подавал мальчишке свой топор и сухую березовую плашку из лучинных запасов. Далеко не с первого раза получалось настоящее топорище: иной испортит беремя березовых плашек. Но мало было случаев, когда парень не добивался своего и не заслужил бы похвалы старшего.

Топорище-то надо еще и насадить, и правильно расклинить, чтобы топор не слетел, и зачистить стеклянным осколком. После всего этого топор точили на мокром точиле. Сама

по себе каждая эта последовательно сменяющаяся операция требовала смекалки, навыков и терпения. Так жизнь еще в детстве и отрочестве приучала будущего плотника к терпению и последовательности. Нельзя же точить топор, пока его не расклинили, хоть и невтерпеж! Также нельзя метать сено, не высушив, или месить пироги, которые не выходили.

Обычно умение незаметно переходит от старшего к младшему прямо в семействе. Оно углублялось и развивалось в артели. «Для чего и глаза», – говорит Анфиса Ивановна.

Уже в первый сезон артельной работы подросток постигал один-два способа рубить угол, учился прирубать косяки, обзаводился собственным инструментом. Просить у кого-либо инструмент, особенно топор, считалось дурным тоном. Давали неохотно и вовсе не из скопидомства. Топор у каждого плотника был как бы продолжением рук, к нему привыкали, делали топориче сообразно своим особенностям. Хороший плотник не мог работать чужим топором.

В плотницкий инструмент, кроме топора, входили пила поперечная (можно было носить одну на двоих), скобель, пила-ножовка, долото, напарья (бурав для сверления дерева), струг.

Рубанок и молоток для плотника были необязательны.

Все это для обработки дерева. Но плотник не мог обойтись без железной черты, которая отчеркивала то, что надо стесать с бревна, чтобы оно плотно сомкнулось с предыдущим. Нитка с грузилом и головешка (обожженное полено с ручкой) служили для того, чтобы отстрекнуть на бревне или доске длинную прямую линию. Уровень тоже был нужен, да не каждый его мог иметь. Штука дорогая. Складной аршин (позднее метр) хорошему плотнику также необходим. Все остальные вспомогательные приспособления плотники делали сами по ходу работы (например, аншпуги, отвесы, клинья и т. д.).

Подрядчик – посредник между плотником и заказчиком – заранее набирал артель. Многим крестьянам из нужды приходилось брать аванс, чтобы заплатить налог, и тогда хочешь не хочешь, а если пришел срок, иди работать. Артель выбирала старшего – наиболее опытного в мастерстве и в житейских делах мужика. Закончив подряд, плотники уходили домой. Но иной пропил денежки, домой пустому идти стыдно. Или сударушка завлекла на чужой стороне. Вот и оставались на зиму, горевать горе. Отсюда и пошла презрительная кличка «зимогор».

Свой же дом рубили вчерне *помочами*⁷. Затем крестьянин в промежутки между полевыми работами доделывал окна, лестницы, полы, потолки. Баню, амбар, картофельную яму, колодец или рассадник также рубили без особой помощи соседей.

Конечно, самое главное в плотницком деле – это научиться рубить угол. Если постройка четырехугольная, то, само собою, и угол прямой. Тупые углы рубились реже. Тупой угол требовался для некоторых видов колокольни, алтарной части деревянного храма, а также при воздвижении шестигранных шатров. Простейший способ соединения бревен – это рубка «в охряпку», более сложный – в простую «коровку» или «чашу». Затем плотник просто обязан был научиться рубить «в лапу» и «в крюк». «В лапу» – это значит концы бревен были заподлицо с сопряженным рядом, они не выставлялись наружу. По углу, срубленному «в коровку», можно лезть вверх как по лесенке, угол же, срубленный «в лапу», совершенно ровный, без выступов. Угол, срубленный «в крюк», считался самым лучшим в смысле прочности и тепла. Мало осталось плотников, умеющих рубить «в крюк». Хуже того, распространилась нелепая мода вообще не рубить угла, бревна, вернее брусья, складывают впритык, как кирпичи. Надолго ли такая постройка, как она хранит тепло, лучше не спрашивать.

Притесанные друг к другу бревна соединялись шипами или ставились «на коксы» с непременно моховой прокладкой⁸. Гумна, сеновалы, сараи ставили без мха.

⁷ С помощью соседей.

⁸ По этому поводу существует пословица-загадка: «Сколько гостей, столько постель». Из экономии места автор опускает описания типов углов, видов построек, способов крыть кровлю и т. д.

Деревья, даже одной породы, как и люди, все разные. Одно косослойное, другое прямо-
слойное, у одного древесина плотная, у другого рыхлая, не говоря уже о прямизне или же тол-
щине. Ясно, что мастерство плотника начиналось с «чувства дерева». Человеку, не ощущаю-
щему характер дерева, лучше не садиться на угол. Но в том-то и дело, что плотничать должны
были все взрослые мужики! Чувствуешь ты дерево или нет, слушается тебя топор или не слу-
шается – все равно ты будешь плотничать. Стыдно не быть плотником. Да и нужда заставит.
Потому и были они все разные. И плохие, и средние, и хорошие. И несть числа между ними.
Но каждый всю жизнь, конечно и в молодости, стремился быть не хуже, а лучше, чем он есть.

На том и стояло плотническое мастерство.

Интересно, что в плотницком деле никогда не было профессиональных секретов, знание
считалось общенародным: постигай, черпай, насколько хватает ума и таланта. Однако гордость
и достоинство мастера всегда питались художеством и подкреплялись народной молвой.

Хорошему плотнику, конечно же, никогда не мешала богатырская сила. Но и без нее он
все равно был хорошим плотником. Пословица «Сила есть – ума не надо» родилась в плотниц-
ком мире в насмешку над тупоумием и горячностью. Силу уважали тоже. Но не в одном ряду
с талантом и мастерством, а саму по себе. Настоящие плотники экономили силу. Были нето-
ропливы. Без одnorядок-рукавиц не работали. Бревна катали, а не волочили. Времени на точку
топоров не жалели. Плотников кормили мясными щами даже в разгар сенокоса.

КУЗНЕЦЫ

Поздней зимой, когда с одного боку уже пригревает, а с другого холодит пуще прежнего,
когда насты по утрам иногда поднимают целую лошадь с груженными дровнями, когда еще без-
молвны ослепляющие солнечным блеском поля и все вокруг как бы дремлет в студеной и дол-
гой дреме, – в такую вот пору однажды вдруг ошарашит тебя неожиданный, чистый и какой-
то по-юному не унывающий стукоток.

Кузница стояла чуть ли не около каждой большой деревни. На околице, вблизи ручья
или оврага, не желая смешиваться с погребями и банями, виднелся средних размеров сарай
с тесовой черной крышей, с кирпичной, а иногда и тесовой трубой. Рядом торчали четыре
вкопанных в землю столба, соединенные боковыми перекладинами и круглыми засовами сзади
и спереди. Это сооружение называлось станками для ковки коней. Лошадку заводили в эти
станки и всовывали в проушины задних столбов круглый засов. Конь оказывался в клетке, он
не мог даже лягаться. Неопытные только мелко дрожали, старые даже дремали. Конские ноги
поочередно привязывались мягким сыромятным ремнем к специальному выступу, копытом
наружу. Копыто очищали от грязи, обрубали неровную источившуюся кромку. Потом острой
полукруглой стамеской состругивали белую лишнюю мякоть. Только после этого начинали
ковать.

Лошадь вздрагивала всем телом, когда кузнец прикладывал к копыту подобранную
по размеру, раскаленную (конечно, не докрасна!) подкову. По кромке с наружной стороны
осторожно, чтобы не задеть живую плоть, вбивались четырехгранные подковные гвозди. Они
загибались и утапливались в подковных бороздках. Под конец мастер тщательно зачищал
копыто рапилом. Вытаскивался передний засов-поперечина, и мальчишка, заранее забрав-
шийся на спину лошади, торжествуя, выезжал на простор. (Вспомним опять же пушкинское:
«Зима!.. Крестьянин, торжествуя...» Уж если взрослый торжествовал, то мальчишке сам бог
велел!) Навсегда запоминается этот веселый звон ручника о наковальню, которым кузнец
словно бы забавляется между тяжелыми мягкими ударами молотобойца. Эти долгие, непрекраща-
ющиеся вздохи кожаных мехов. Вот румяная, на глазах меняющаяся подкова летит в колоду
с водой и там шипит, а в ослепительно-золотом центре горна, где дуют три воздушные струи,

от которых разлетаются мелкие угольки, а крупные шевелятся, там уже греется добела новая, и кузнец длинной железной лопаточкой подправляет угли.

Земляной пол в кузнице оттаял и пахнет весенним севом. Воробьи, живущие под крышей, до того рады и до того замарались, что сами на себя непохожи. С большой дороги то и дело заходят люди. Всяк привернет.

Варфоломей Самсонов из деревни Пичихи Кадниковского уезда был двухметровым сутулым мужиком с каштановой бородой и добрым, густым, замешанным на хрипотце басом. Помимо хозяйства, он содержал кузницу, в свободное от полевых работ время шумели мехи. Вообще, чтобы стать кузнецом в древние времена, надо было, самое главное, купить наковальню и мехи. Остальное можно было приобрести постепенно или сделать самому: срубить кузницу, установить толстущий, в два обхвата, чурбан для наковальни, выложить стены кирпичного горна. У другого кузнеца заимствовали на время инструмент, чтобы сделать свой.

Вахруша – как звали его за глаза и не при родне – частью сковал себе сам, частью купил клещи, ручники, кувалду, зубилья, бродки. Он за малую плату ковал лошадей, делал ухваты, светцы, кочерги, дверные пробойники, гвозди. А главное – «обувал» колеса к телегам. Шину разогревали и надевали на колесо. Остывшая, она стягивала деревянные дуги на спицах, затем ее закрепляли заклепками.

Кузнец так рассказывал сам про себя:

– Ох, чудак, рыбы попало в верши, волоку с озера, корзина спереди да корзина сзади, каждая пуда по два. Солнышко село, а мне еще в кузницу надо. Иду да и думаю: «Больно тихо я иду-то. Дай-ко я побегу».

И побежал Варфоломей по лесу. С двумя двухпудовыми корзинами на плече.

Варфоломей умер, кузница опустела. Иногда ее навещал кузнец из соседнего колхоза «Нива» по фамилии Пушкин. Такой превосходный был кузнец! Кроме шутивого нрава, имел уже нарезную доску и метчики, делал самые сложные слесарные операции. Другой кузнец – тоже вологодский – сам сковал протезы для брата-фронтовика, потерявшего на войне обе ноги...

Сельская кузница, как и водяная или ветряная мельница, всегда была окружена таинственной дымкой: труд, быт и поэтическое творчество составляли когда-то единый сплав народной жизни. В этом смысле современная сельская мастерская еще хранит дух деревенской кузницы.

Вообще внедрение в сельскую жизнь техники проявляется порою самым неожиданным образом. Повсюду находятся мудрецы, умеющие приспособить резиновые колеса от сломанного либо разобранного прицепа к молоковозной или навозной телеге. Рыбаки-любители для рыбалки «с лучом» вместо смолья и железной «козы» превосходно пользуются аккумулятором. Паяльная лампа используется не столько для паяния, сколько для разогрева машин, с ее же помощью палят свиней на окорок. Для вывешивания ремонтируемых домов давно приспособлены гидравлические домкраты. Такие примеры бесчисленны.

КОПАТЕЛИ КОЛОДЦЕВ

Слух прошел: идут откуда-то мужики, копающие колодцы. Вот-вот явятся. «Да где? – первыми всполошились женщины. – В какой деревне?»

Никто не знает.

Но дыму без огня не бывает, слух прошел, значит, придут. В домах заговаривали о том, что надо бы выкопать новый общий колодец.

– Надо-то надо, да где вот они?

– Идут.

– Идут. Время тоже идет.

- Не пришли? – спрашивают через месяц у проезжающих из соседних деревень.
- Нет пока, – отвечают соседи. – Рядом уж.
- Рядом так рядом. Время терпит. – Прошел еще месяц. – Не показывались?
- Должны с часу на час.
- ...Ждали на вешное, а и сенокос минул.
- Ладно, сидим и с таким, – говорит тот конец, который ближе к реке.
- Нет, не сидим! – протестуют другие.

Наконец как-то рано утром, уже после Покрова, объявились трое копателей. Невелик у них скарб: две лопаты, три топора, пила да толстый канат-ужище, чтобы спускаться на многосаженную глубину.

Из-за долгого ожидания жители не стали долго рядиться. Сговорились сразу. Мастера взяли задаток.

Один, видимо старшой, часа полтора ходил по улице, искал жилу. Остановился около камня и твердо сказал: «Тут». В тот же день начали копать, опустив для начала небольшой, в пять рядов, колодезный сруб.

Дело пошло. Двое вверху наращивают сруб, один внизу, подкапываясь, опускает его. Поставили ворот, чтобы вытаскивать на канате бадью с землей. Когда глубина перешла на третью сажень, старики начали спрашивать:

- Что, далеко ли вода?
- Будет, будет вода. Скоро уж.
- Что?
- Вот, вот. Уже мокро.

На второй день уже и голос из колодца еле слышать. Спрашивают:

- Ну как? Есть вода?
- Рядышком...

Весь день копали. Утром, до солнышка, кто-то пришел проведать. Мужиков не было ни на земле, ни под ней. Ушли, даже рукавицы-однорядки остались. Они сиротливо лежали на общественной, перевернутой кверху дном бадье.

Кто-то пнул по бадье, она брякнула и откатилась в сторонку...

Выяснилось, что проходили спецы по канавам, а вовсе не по колодцам.

После таких копателей общество с большим недоверием относится уже и к настоящим мастеровым, которые, недолго думая, ступают дальше, в следующую деревню. Приходится бежать за ними до околицы, уговаривать...

И вот седенький старичок, негласный руководитель артели копателей, брякает ногтем по табакерке, покашливает, поглядывает. Утром, до солнышка, ходит по закоулкам, глядит, где пала роса, где и как толкается мошка, где какая выросла травка. Прикидывает, покашливает. Не торопится. Это про таких стариков говорят, что они на три сажени в землю видят. Колодцы, выкопанные под их руководством, служат людям не десятилетия, а века.

ПАСТУХИ

Иван Александрович (фамилия неизвестна) рядился в деревне Лобанихе на лето в пастухи. Пришел за двадцать верст со своей родины. Не велик ряд! По пуду ржи с каждой коровы, дополнительно по пирогу да по яйцу. Само собою, ежедневное, по очереди, питание. Пастуха кормили в будни будничным, в праздники праздничным, тем, что и на общем столе. Но обязательно досыта. Иван Александрович просил двенадцать пудов зерна за лето, а лобановцы давали только десять. Рядились, рядились, ни одна сторона не уступает. Вдруг Иван Александрович говорит: «Братцы, давайте десять, я и забыл, что два пуда у меня дома осталось. Вот и будет как раз двенадцать».

На том и решили...

Иван Александрович был не очень умен. Сидит на полянке, вокруг спят коровы. Он же сам с собою играет в карты, в «Окулю», на две руки. «Ну теперь ты ходишь! – Пастух брал карту из руки воображаемого партнера. – Вот! Опять ты проиграл, тебе тасовать».

Тасовать, однако, приходилось каждый раз самому, поскольку Иван Александрович был в двух ипостасях: и проигравшего и выигравшего.

В том, что в пастухи подряжали иногда людей неполноценных⁹, таился великий смысл: мир как бы заботился об убогих, предоставляя работу по их возможностям. Щадя самолюбие, деревня негласно брала таких людей на свое содержание; человек кормился своим трудом, а не ради Христова имени. У пастуха имелось и свое самолюбие, и свое мастерство. Настоящий пастух знал по имени каждую корову и все ее причуды. Потому что коровы были все разные, отличались то добродушием, то коварством и хитростью. Одна имела способность уводить стадо неведь куда, другая была мастерица проламывать изгороди и даже открывать отвода. Третья отличалась неисправимой ленью и то и дело отставала от стада. Таких частенько всем миром искали в лесу.

Опытный пастух, пасущий скот ежегодно и, так сказать, по призванию, а не из-за нужды, всегда дорожил молвой и своим званием, обладал достаточно высоким профессиональным достоинством. Ему иногда требовалась и незаурядная смелость. Волк и медведь не были редкостью в лесных поскотинах.

Вообще же у пастуха и медведя складывались вполне законченные, но таинственные отношения. Понимая друг друга, они как бы заключали между собою договор и стремились соблюдать его условия. Так, по крайней мере, считал пастух. В той же Пичихе сосед Вахруши Андрей Вячеславович, по прозвищу Славенок, постоянный пастух колхозного стада, рассказывал про медведя так:

– Он, понимаешь, лежит, не сказывается, а я-то знаю, что он тут. И говорю: «Иди! Уходи, уходи, нечего тут нюхать. Коровы спят, и ты иди спать!» Чую, сучки запотрескивали. Пошел. Видно, пробудилась совесть-то...

Далеко не у всех медведей имелась совесть. Нередко зверь выезжал из чащи верхом на ревущей, полузадранной корове, и пастух с одним батогом, ругаясь, иногда плача, смело бросался на «кровопивца». Обычно зверь этот считался не «своим», а пришедшим в поскотину откуда-то со стороны или же был обижен людьми раньше.

Коровы частенько телились прямо в лесу. И нередко их искали по несколько дней. Тогда пастух чувствовал себя виноватым.

Пастух первым в деревне поднимается на ноги, идет по улице, играя в рожок или барабана в барабанку: это всеобщая побудка. Хочешь не хочешь – вставай, выгоняй скотину. Павлик – пастух в деревне Тимонихе – имел большую, метра на полтора длиной, трубу, сделанную из дерева и бересты. Он играл на этой трубе незатейливую мелодию, да так громко, что многие ворчали.

Вся жизнь пастуха на природе, поэтому он был еще и опытным лесовиком, хорошо чувствовал перемену погоды, знал множество примет, умел драть корье, бересту, плести из них лапти и другие изделия. Питался и ночевал пастух у всех по очереди. Если в деревне тридцать домов, то за месяц он побывает в каждой крестьянской семье. И конечно же, узнавал не только то, что сегодня варили в том или другом доме. Он знал все. Скотина тоже была в его руках, и неудивительно, что пастуха побаивались, уважали, а иногда и баловали недорогими подарками.

⁹ Современное «пастух», относящееся обычно к плохому руководителю, приобрело нынешнюю эмоциональную окраску намного позже.

Рожок или дудка веками печально звенели в русском лесу сквозь его отрешенно-широкий шум. Коровы знали несколько музыкальных колен. Они выполняли такие музыкальные команды:

1. Выходи из дворов.
 2. В прогон! В прогон!
 3. Делай что хочешь.
 4. Опасно, беги!
 5. Общий сбор в одном месте.
 6. Домой! —
- и другие команды.

Две сухие, плотные, как кость, вересовые палочки да чувство ритма – и старательный подпасок быстро выучивался пускать по лесу такую звонкую, такую замысловатую дробь, что жующие жвачку коровы почтительно взмахивали ушами. Люди на близком покосе разгибали спины и восхищенно прислушивались.

Звери и впрямь побаивались этого звонкого ритмичного стука. У пастуха, кроме малой, которую он всегда держал при себе, в разных концах покотины имелись еще и большие барабанки. Они висели постоянно в определенных местах, каждый идущий мимо считал своим долгом побарабанить. Особенно любили это занятие дети, путешествующие за грибами, ягодами, или на покос, или драть корье вместе со взрослыми.

Позднее в лесу начали вешать какие-либо железные штуки, например отвалы от плуга. В деревне с помощью такого же «колокола» бригадир сзывал людей на работу.

Современные пастухи пасут скот на лошадях, нередко с транзистором на плече. И уже не в лесу, а в полях. Коровы с удовольствием слушают квакающие саксофонные всхлипы.

САПОЖНИКИ¹⁰

Сапожников, как и портных, называли еще швецами. «И швец, и жнец, и в дуду игрец», другими словами, – мастер на все руки. Профессия чаще всего передавалась от отца к сыну или от деда к внуку.

По преданию, царь Петр самонадеянно взялся однажды сплести лапоть, но, как ни старался, не смог завершить эту работу. Сшить сапоги не проще...

Лев Толстой, говорят, шил сапоги. Если сказать об этом настоящему сапожнику, он ухмыльнется: книги у великого писателя получались наверняка намного лучше.

Сапожнику тоже нужен талант. Без любви к делу талант уходит. С чего же начинается любовь к делу?

Никто не знает.

Может быть, с кисловатого, ни с чем не сравнимого запаха мокнущей кожи. Тому, кто воротит нос от этого запаха, сапожником не бывать. Может быть, эта любовь зарождается от скрипа и глянца новых сапог, надетых впервые молодыми ребятами, пришедшими на гулянье. А может быть, просто от того, что все люди от мала до велика ждут от тебя этой любви.

В детстве автору этой книги удалось испытать жгучий интерес к работе сапожника. Нетерпение самому попробовать сделать хоть несколько стежков при стачивании голенища было столь велико, что приходилось всячески угождать сапожнику и даже подлизываться. Но мастер никогда не позволит ученику что-нибудь сделать, если ученик не научился делать

¹⁰ Та же несправедливость, что и с «пастухом». Зрительская публика обзывает сапожником плохого киномеханика.

то, что делается перед этим. Хотя бывает и так, что последующая операция уступает в сложности предыдущей.

Тебе хочется непременно тачать, наматывая на кулаки и со свистом продергивая в обе стороны концы дратвы. Ан нет, голубчик! Научись-ка вначале втыкать в дратву щетинку.

И вот сапожник, воспитывая терпение, показывает мальчонке кубышку – веретено тонкой хорошей пряжи. Через крючок, вбитый в оконный косяк, протягивает четыре или шесть нитей на длину будущей дратвы. Разделяет их пополам (по две или по три) и от крючка начинает сучить дратву. Прижимая каждую пару ниток ладонью к колену, он скручивает их, а скрученные пары, в свою очередь, уже сами скручиваются друг с дружкой. Получается дратва. Но ее, не снимая с крючка, надо еще тщательно проверить: десяток раз продернуть через кожаную складку, в которую наложен вар. Один запах этого черного клейкого снадобья, сваренного из пчелиного воска и еловой серы, то есть смолы, приводит сапожника в особое рабочее состояние!

Однако дратва без щетинок еще не дратва, а полдратвы. Льняные концы ее, исходя на нет, кончаются тончайшими волосками. Свиная же щетина, если она настоящая, имеет особое свойство: щетинку можно расщепить, разодрать надвое вдоль. Сапожник на глазах у мальчишки берет из пучка щетинку, расщепляет ее до половины, вставляет в этот расщеп конец дратвы и осторожно скручивает его сначала с одной из щетинных половинок, затем с другой. Готово! Одно дело сделано. Теперь бери шило, шпандырь и садись тачать голенища. Но сапожник почему-то не спешит садиться на свой низкий складной стул, он начинает протаскивать с веретена на крючок новые нити.

Несколько моточков готовых дратв всегда должны быть в запасе даже и у дурного работника.

Ах, как хочется потачать! Опытный мастер, конечно, заставит научиться делать то, что надо, но не будет он и судьбу искушать: детский интерес может так же быстро погаснуть, как и вспыхнуть. Поэтому, вознаграждая юного любознательку за терпение, сапожник дает сделать ему несколько стежков...

Та же история выходит тогда, когда хочется позабивать деревянных шпилек в подошву или в наборный каблук, позабивать с таким же смаком, как делает это сапожник... Нет, не получишь ты молотка, научись сперва делать эти самые деревянные гвоздочки...

И вот будущий мастер лезет на печь, достает с кожуха высохшие березовые кружки, отпиленные на длину гвоздика. Эти кружки он колет молотком и ножом на равные, одинаковой толщины плиточки или пластинки, каждую такую плиточку, уперев ее в специальный упор в доске, заостривает с одного края сапожным ножом. И только потом, сложив несколько плиточек одна к другой, можно подрезать их снизу, уже наполовину заостренные, и скалывать гвоздики. Подрезал – сколол. Березовые шпильки с хрустом отваливаются от убывающих плиточек.

Мастер – художник, человек, обладающий талантом или хотя бы стремлением сделать не хуже других, – каждому звену своего профессионального цикла придает слегка ритуальный, торжественный смысл.

Так, сапожник, придя к заказчику¹¹ и разложившись со своим инструментом на лавке напротив окна, начинает вначале замачивать кожу. Хорошо выделанный товар – залог сапожной удачи. Так вновь объявляется взаимная связь, зависимость в труде от других дел и людей. Если скорняк выделал кожу шалый-валяй, сапожнику не позавидуешь.

Раскроив товар и замочив кожу на голенища, мастер точит инструмент. Чего только нет в его обширной торбе, кроме двух крюков – этих больших досок с очертаниями сапога! Тут и ножи трех-четырех сортов, и клещи, и плоскогубцы для натягивания размоченных головок

¹¹ Сапожники работали и у себя на дому, но чаще ходили по деревням, жили у тех, кому нужны сапоги.

на колодку, тут и шилья, разные по длине, толщине и форме. Молотки, разгонки, рашпили и даже деревянный «сапожок» для заглаживания ранта.

После того как все готово: и дратва, и березовые шпильки, и кожа вымочена, сапожник начинает вытягивать первый крюк. Он закрепляет гвоздями на кривой (отсюда и слово «крюк»), вытесанной из елового корня сапогообразной доске размокшую кожу. И начинает ее тянуть на обе стороны, разглаживать образовавшиеся складки до тех пор, пока они не исчезнут. Это трудная, требующая терпения и сноровки работа. Бывало и так, что со свистом летели к дверям клещи и молотки.

Северные сапожники не признавали головок с язычками, фабричным способом вшитых в голенища. Сапожнику надо было обязательно вытянуть крюки, то есть сделать головки и голенища из одного цельного куска кожи. Вот и пытели, разгоняя не исчезающие упрямые складки.

Наконец крюк вытянут. На сгибе кожа как бы потолстела, сгрудилась, а на углах, которые будут соединены в задник, вытянулась и стала тоньше. Все закреплено железными гвоздочками. Пока оба «крюка» выстаиваются, принимая нужную форму, сапожник делает что-либо другое: то башмаки сошьет хозяйке (на двор к скотине ходить), то подметки подколотит или *обсоюзит*¹² старые сапоги.

Непосредственно шитье начинается с притачивания к голенищу так называемой подклейки, то есть внутренней подкладки. Если эта подклейка не на весь крюк, то нижние ее края мастер притачивает лишь к мездре голенища, он не прокалывает кожу насквозь. Не дай бог, если он плохо ее пришьет! Заказчик, снимая однажды сапог, может вытянуть ногу из голенища вместе с подклейкой. Такому сапожнику позор.

После того как подшита подклейка, тачают собственно голенища, затем подшивают задник, эдакий внутренний карман на месте пятки. Вставляют туда берестяные пластинки для твердости и прошивают несколько раз. Только после этого можно сажать сапог на колодку и класть на нее стельку. Кожу на колодках опять тянут плоскогубцами, крепят гвоздями и дратвой, плющат и заравнивают. Прежде чем прибить подошву, мастер обносит рантом всю сапожную ступню, срезает, сводит на нет прибитую по краям полоску кожи.

На подошву идет бычатиная – отборный товар. (Бывали времена, когда пара подошв становилась денежным эквивалентом.) Если заказчик холостяк или отменный модник, мастер подкладывал под подошву берестяные язычки, которые при ходьбе и при пляске скрипели. Иметь сапоги «со скрипом» считалось у холостяков и молодых мужиков особым шиком. Подошву прибивают тремя рядами березовых шпилек, потом из кожаных обрезков набирают каблук. Все это ровняют, закрашивают и наконец зачищают изнутри кончики шпилек. Если товар мягкий и заказчик опять же модник, сажают сапог «на солону». Выстоявшись «на соломе», голенище приобретает форму гармошки.

Многие сапожники во время работы пели, другие любили побалагурить.

СТОЛЯРЫ

Иван Афанасьевич Неуступов из деревни Дружинино был последний во всей округе настоящий столяр.

Нелегко было уговорить Ивана Афанасьевича принять заказ. Вернее, заказ-то он брал охотно, но уж очень долго нужно было ждать очереди. Он не любил торопиться. Зато какие прекрасные делал вещи! Столы, стулья, табуреты, залавки, рамы, насадки, грабли, салазки, сделанные Иваном Афанасьевичем, могли утонуть, сгнить, стореть в огне, но уж никак не сломаться.

¹² *Обсоюзить* – обшить сносившиеся головки сапог новой кожей.

Прочность и красота объединялись одним словом: «дородно».

Столярное мастерство стало самостоятельным, вероятно, только после Петра. Такими словами, как «шпунтубель», «фальцебель», «рейсмус», «зензубель», русская строительная технология обязана упрямству венценосного плотника.

Но сделать легко и красиво можно лишь то, что легко и красиво выговаривается, – это одно из проявлений единства материального и духовного у русского работника. Даже в наше время нормальный столяр скажет «отборник», а не «зензубель». Иностранцами же непонятными для других названиями очень любят пользоваться убогие от природы, либо ленивые, либо в чем-то ущемленные труженики. Таким способом они как бы отделяются от других и самоутверждаются.

Ничего такого не требуется для настоящего мастера. Работает он весело, без натуги, не пыжится, не пижонит. Напоказ выставляет не себя, а то, что сделал, да и то не всегда. Секретов у него нет. Он в любое время расскажет тебе, как и что, если тебе интересно.

Настоящий столяр может сделать и всякое плотническое дело, но далеко не каждый плотник может столярничать. Вернее, не у каждого плотника лежит душа к таким нежным делам, как фуговка или склеивание.

Не у каждого и такой норов, чтобы часами нежить и холить, зачищать, шлифовать поверхность одной какой-нибудь маленькой досточки. То ли, мол, дело с топором на углу! Закатил бревно на стену, вырубил угол, паз вытесал, на коксы посадил – дом сразу на поларшина вверх.

Каждому свое...

Если плотник тем же временем как бы и архитектор, то столяру близки и цвет, и графика, и скульптура. Нельзя, например, связать раму, если не умеешь чертить; невозможно сделать хорошую столешницу, если не сумеешь подобрать доски по структуре и цвету. Впрочем, выражение «найти слой» одинаково ценно и для столяра, и для плотника.

Столяр начинается с того момента, как почуял он дерево, его запах, его узор, его цвет и звучание. Самое неприятное для столяра – это сучок. Но под умелой рукой и тот начинает жить и форсить на дереве, словно балованный пасынок.

НИЩИЕ

Бывала на Руси и такая профессия! Необъятность бытового разнообразия, терпимость народной молвы допускали ее существование. Люди были снисходительными к таким редким нравственным отклонениям, как профессиональное нищенство, к тому же в чистом виде оно встречалось весьма редко.

Не подать милостыню считалось у русских величайшим в мире грехом.

Такую частушку, как «Поиграй, гармошка наша, а чужую разорвем, сами по миру не ходим и другим не подаем», можно воспринимать лишь в ряду тысяч других, более добрых частушек. Нет, не в чести были в русском народе такие ухари, что не подавали нищим! Он мог спеть подобную песенку в пьяном запале, в дурмане фарса и хвастовства. Но не подать милостыню не мог. Поскольку такая пословица, как «От сумы да от тюрьмы не зарекайся», была известна в народе больше, чем упомянутая частушка...

Нищих по хитрому умыслу, иными словами, людей ленивых, не желавших трудиться, было очень мало, и они легко растворялись в общей многочисленной массе. Такой тип народного захребетника, бессовестно пользующегося мирской добротой, тоже допускался стихией народной жизни. Справедливость, однако, торжествовала и в этом случае: нищий-притвора жил под вечной угрозой разоблачения, это вынуждало его ходить за милостыней далеко от родных мест. Ему надо было актерствовать, притворяться, а все это отнюдь не всегда по силам здоровому человеку. От людского участия не ускользало ничто. К скрытым, по народному выраже-

нию «хитрым», молва беспощадна: разоблачат и обязательно припечатают хлесткое прозвище. Носи за бархат до конца дней своих. Мало было охотников на весь мир прослыть тунеядцем!

Странным и не лишенным развлекательности явлением славилась одна волость на северо-западе Вологодской губернии. (Не будем называть ее из уважения к нынешним жителям.) Сила дурной традиции сделала эту волость не то что посмешищем, но чем-то вроде несерьезным. То ли земля была худородна, то ли сами мужики не больно упрямы, но своего хлеба хватало у них лишь до Масленицы. И вот мужичок запрягает лошадь в розвальни, ставит в них два больших пестеря, кладет сена побольше и, прихватив с собой одного-двух помощников, едет в мир, собирать милостыню. Выезжали иногда чуть ли не обозом, стараясь угадать на разные дороги и поскорее рассеяться.

Велик мир! Велик и отходчив, простит и это.

Простить-то простит, да ухмыльнется.

И только совсем уж беспечный крестьянин, имея здоровые руки, с легким сердцем пойдет по миру.

Все остальные виды нищества, вплоть до цыганского, не вызывают в народе ни хулы, ни насмешки. В исключительных случаях просить подаяние не считалось зазорным. Например, после пожара тоже ходили и ездили по миру, и люди давали милостыню не только хлебом, но и одеждой, и утварью, и посудой. Мир помогал встать на ноги потерпевшим от стихийного бедствия.

Помогать арестантам и каторжникам также считалось нравственной обязанностью. Солдаты, служившие по двадцать лет и отпущенные вчистую, возвращались домой пешком, шли по несколько месяцев и, конечно же, кормились именем Христа. Обворают ли в дороге, пропился ли на чужой стороне незадачливый бурлак, возвращается ли из дальнего странствия богомолец – все кормились миром.

Не приютить странника или нищего, не накормить проезжего издревле считалось грехом. Даже самые скупые хозяева под давлением общественной морали были вынуждены соблюдать обычай гостеприимства. Бывало, что и не особенно скупая хозяйка творила на праздник отдельную квашню для милостыни, угощая гостей и родных одним, а нищих другим. Подобная предусмотрительность не подвергалась насмешке, так как нищих порой ходило великое множество.

Деревни, где не пускали ночевать, пользовались худой славой, что нередко влияло даже на женитьбу и замужество.

Калеки и убогие особенно почитались в народе. Слепых без поводырей переводили от деревни к деревне, устраивали на ночлег к собственным знакомым или родственникам. Ночевать было положено одну ночь. Если нищий ночевал вторую ночь, то он уже искал себе посильного дела (хотя бы и сказки рассказывать либо петь былины). Не подвезти на попутных хромого, безногого, горбатенького или слепого могли только самые жестокосердные безбожники, не боящиеся греха и бравирующие такой «смелостью».

Почти в каждой деревне имелся свой дурачок либо блаженный – эти тоже кормились и одевались миром.

Но особенно жалели в народе круглых сирот, то есть детей, потерявших не только отца, но и мать. Согрешить, обидеть сироту мог каждый в отдельности, но утешить и ободрить сиротское сердце возможно было лишь сообща, всем миром.

Совершенно особое место в северном народном быту занимало цыганское нищенство. Цыган любили на Севере. За что? Может быть, за национальное своеобразие, за странный говор, за прекрасные песни. И за ту, видимо, бесшабашность и беззаботность, которые русский крестьянин (целиком зависящий от природы и собственного труда) не мог себе позволить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.